

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

М80

Heather Morrison-Tapley
THE HERBALIST
Серия «На пороге тайны»

Перевод с английского *Алекс Миро*
Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Моррисон-Тейпли, Хизер.

М80 Травница: [роман] / Хизер Моррисон-Тейпли; –
[перевод с английского Миро А.]. – Москва : Изда-
тельство АСТ, 2024. – 352 с. – (На пороге тайны).

ISBN 978-5-17-159394-0

Обретение любви, надежды или даже своей судьбы не может обеспечить счастья, пока ты не найдешь себя...

У Иден была идеальная жизнь в Нью-Йорке: любимая работа преподавателя, завидный жених, отличная квартира в Верхнем Вест-Сайде. Но за одну ночь весь ее мир разрушился, и ей пришлось сбежать в крошечную английскую деревню.

Здесь Иден знакомится со старой травницей – последней в многовековой череде целительниц – и сама учится готовить лечебные отвары и снадобья. Она, следуя своей давней мечте, начинает писать книгу о знахарстве. А встретив Джеймса, понимает, что ее раненое сердце вновь хочет любви.

Но однажды Иден постигает ее прошлое, о котором она так хотела забыть...

Решится ли Иден раскрыть свой дар, связывающий ее с поколениями травниц, и признаться во всем Джеймсу? Или же ей придется вернуться в Нью-Йорк?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© 2022 Heather Morrison-Tapley
All rights reserved.

© Миро А., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-159394-0

Все персонажи и события вымышлены,
любые совпадения случайны.

Посвящается

Яну и Чарли —

вы вдохновляете меня день за днем.

Всегда следуй за своим «знанием».

Аманде —

самому невероятному человеку из всех,

кого я знаю.

ГЛАВА 1

Ее вечер начался с высоких каблуков и коктейлей. Закончился — разбитым сердцем и смертью. А через двадцать четыре часа она была уже в пяти тысячах километров от дома, и ее мир перевернулся с ног на голову.

В небольшой английской деревеньке Бартон-Хит лето подходило к концу. Вечера стали прохладнее, по утрам туман ложился на луга плотным покрывалом, а воздух наполнял бодрящий запах дыма от горящих в каминах поленьев. Мейбл Харрисон провела вечер с близкой подругой Пег, ухаживая за ее любимой лошадью: у кобылы случился приступ колик. Они вызвали ветеринара и в ожидании врача повели лошадь прогуляться.

В итоге кобыле сделали инъекцию, и она приходила в себя в уютном стойле в амбаре. А Пег и Мейбл отправились в паб, где тоже приходили в себя в уютном кабинете с камином.

Позже вечером, когда Мейбл пошла спать, ее замутило. «Кажется, я перебрала с вином в пабе», — подумала она. Нужно быть аккуратнее в таком возрасте. В девяносто один год ей не следовало сначала выгуливать лошадь целый час под дождем, а потом пить на

ночь три бокала. Конечно, ей стало нехорошо. Она знала, что боль в спине и тошнота не пройдут, даже если она хорошенько выспится. Она натянула толстое стеганное одеяло до подбородка и удовлетворенно вздохнула, погружаясь в сон.

Примерно в это же время в маленькой квартирке в Верхнем Ист-Сайде на Манхэттене молодая женщина безуспешно пыталась втиснуться в платье, которое не подходило ей по размеру. Или ей не подходила сама жизнь? Она тянула ткань, пока не поняла, что та больше не растянется, потом переделалась в платье свободного кроя, всунула ноги в черные туфли на каблуке и поспешила к такси.

Иден Мартин была профессором средневековой истории в Нью-Йоркском университете. Она специализировалась на истории медицины. Мир ее фантазий населяли травники и аптекари, и большую часть жизни она проводила в своем воображении. Комфортнее всего ей было сидеть в простых джинсах в университетской библиотеке, глубоко погружившись в увесистую книгу, а не проводить время в окружении руководителей банков, в дизайнерском платье и с розовым коктейлем в руках. Но именно во второй ситуации она оказывалась на удивление часто. Иден смотрела, как за окном такси проносятся улицы Нью-Йорка. Огни, машины, люди, суета... это было потрясающее место для жизни.

«Забавно... Кажется, я должна полюбить этот город, но у меня не получается. Умом я понимаю, что

живу в самом замечательном месте на Земле, но отчасти я его ненавижу. Я спешу в самый крутой ресторан Нью-Йорка, хотя мечтаю вернуться домой. Господи, я вся состою из противоречий», — подумала она и решила, что на сегодня пора перестать думать вообще.

Через двадцать минут она приехала в шикарный ресторан и назвала при входе свое имя. Банк Роберта всегда проводил роскошные мероприятия в надежде поблагодарить кого-то за что-то или кого-то на что-нибудь соблазнить.

— Позвольте взять вашу верхнюю одежду, мадам, — сказал человек на входе.

— Да, спасибо. — Она протянула ему свой палантин.

Иден вошла в переполненный гостями зал и стала искать своего жениха Роберта — инвестиционно-го банкира в одной из крупнейших фирм на Уолл-стрит. Они были вместе с тех пор, как встретились в магистратуре, и когда два года назад он сделал ей предложение, она спрашивала себя, не продиктовано ли его решение скорее чувством долга, нежели чем страстью. За годы совместной жизни они стали совершенно разными людьми. И если он сделал предложение из чувства долга, то она согласилась из чувства страха. Ей было тридцать восемь, и она считала, что пришло время выйти замуж. Разве не так ей следовало поступить? Все друзья твердили ей, что именно так. И вот она здесь, в центре города, на еще

одной коктейльной вечеринке в ресторане, куда люди записываются в лист ожидания за месяц, а сама она хочет быть дома с хорошей книгой. Но она, черт возьми, здесь.

Иден улыбалась и старалась выглядеть беззаботной; в поисках Роберта она пробежалась глазами по лицам присутствующих, но не увидела его в толпе и решила, что ей нужно подкрепление в виде алкоголя.

— Красное вино, пожалуйста, — сказала она бармену.

— У нас есть несколько. Какое предпочитаете? — спросил он.

— «Мальбек», если можно. — Пока бармен наливал вино, она повернулась спиной к стойке и разглядывала толпу.

Все улыбаются. Все наслаждаются вечеринкой. Все здесь такие преуспевающие и довольные собой. «Интересно, эти люди когда-нибудь сомневались в себе? В том, к месту ли оделись, или в том, правильный ли выбор в жизни они сделали? Наверное, нет, — думала она, нахмурившись. — Такие люди никогда не сомневаются. В свободное время они планируют путешествия под парусом и выбирают между сайдингом и деревянной обшивкой для своих пляжных домиков в Нантакете. И не ставят под сомнение ничего из того, что говорят и делают». Ее пылкий внутренний монолог очевидно зашел куда-то не туда.

— Ваше вино, мэм, — обратился к ней бармен.

«В какой момент я из мисс превратилась в мэм? — удивилась она. — Прискорбно». Она сделала большой глоток вина и позволила покалывающему теплу распространиться по телу.

— Приветик, — раздался голос за ее спиной.

Иден повернулась и увидела Саймона, лысеющего банкира средних лет, чуть старше Роберта. Вероятно, в юности он был неуклюжим, но теперь стал уверенным благодаря своему значительному богатству.

— Ты выглядишь аппетитно, — улыбнулся он.

— Спасибо, Саймон, — ответила она. («Упырь», — она не сказала этого вслух.) — Как поживаешь? Как провел лето в Хэмптонсе? — Об этом человеке она знала только, что у него есть неприлично дорогой домик в Хэмптонсе, и то лишь потому, что он доводил эту информацию до каждого собеседника в первые минуты знакомства, и лишь потом мог немного поболтать о чем-то еще.

— Великолепно! Поистине великолепно! Диана пригласила восхитительного дизайнера, мы поделились с ним своими мечтами, стремлениями и страхами, и он полностью переделал интерьер под наши задумки, — рассказывал он. — Это обошлось в целое состояние, ясное дело, но оно того стоило. Нам так надоел бело-голубой пляжный колер. С ним был перебор и в мебели, и во всем доме. А теперь получилось стильное сочетание модных интерьеров сере-

нас с Джонатаном с ума. Два месяца на переделку ванной комнаты! И все же марокканская плитка просто божественна, а ремонт стоил затраченных усилий; сегодня у меня праздник — больше никаких чужаков в моем доме! — Она триумфально подняла бокал в свою честь, ведь в ее ванной... поменяли плитку. — Теперь ты рассказывай, как провела лето. Это наверняка было невероятно! — проворковала Лора.

«Боже, здесь все ставят слова в превосходную степень, — с улыбкой подумала Иден. — Хоть у кого-то здесь дела могут быть просто «нормально»?»

Иден все лето изучала средневековые средства от серьезных детских болезней. Но это вряд ли была хорошая тема для светского разговора.

И в порыве какого-то абсолютно подросткового бунта она выдала:

— Вообще-то, летом мне пришлось сделать небольшую паузу — мне делали операцию по удалению геморроя.

Она едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться в истерике, но одновременно и осуждала себя за то, что была так мелочна и строга к собравшемуся отдохнуть и выпить народу. Они были предельно милы с ней, и с ее стороны было нелепо все время раздражаться. «И все же, — подумала она, — неплохая у меня вышла шутка».

— Ого... Да что ты. — Лора широко распахнула глаза, отчаянно перебирая в уме свои ментальные

заметки с заготовленными ответами в поисках подходящей для такой ситуации. — Что ж, бывает. Надеюсь, тебе уже лучше. — Она с улыбкой махнула рукой в сторону толпы, словно увидела кого-то очень важного, и, извинившись, удалилась.

И вот наконец Иден увидела Роберта. Он стоял в окружении внимательных слушателей и рассказывал какую-то очень интересную историю.

— И вот, — он сделал долгую паузу для пущего эффекта, — мужчина подобрал свои брюки и ботинки и, извинившись, ушел! — Он поставил кульминационную точку, и слушатели расхохотались.

И вдруг одна очень молодая и очень привлекательная женщина наклонилась к нему и что-то ему прошептала.

В Иден заголосила тревожная сирена и холодок пробежал по коже. Ей показалось, что за невинным шепотком на ухо скрывается нечто более серьезное. Иден разглядела в жесте женщины нечто более опасное.

Она подошла поближе, и Роберт ей улыбнулся. Молодая женщина сделала едва заметный шагок назад, а Роберт положил руку на талию Иден.

— Все, это Иден. Иден, это... все.

К девяти вечера у Иден раскалывалась голова. Все, чего она хотела, так это стянуть с себя дизайнерское платье и влезть в штаны для йоги. Роберт куда-то ушел, бросив ее на произвол судьбы, и она снова пошла его искать.

— Я хочу взять такси и поехать домой. Головная боль меня прикончит, — пожаловалась она.

— Мне очень жаль, дорогая. — Он сделал едва заметную паузу, прежде чем спросить: — Хочешь, я поеду с тобой?

Она была уверена, что он надеется на отрицательный ответ. Его-то она и дала:

— Нет, не стоит. Я просто поеду домой, приму ванну и лягу спать. Позвоню тебе утром.

— Ладно. Позволь принести твою пальто. — И Роберт исчез в толпе.

Через минуту он вывел ее на холодную морось и жестом подозвал такси. Они спешно поцеловались и пожелали друг другу спокойной ночи, и вот Иден снова возвращалась на окраину города.

На полпути у нее зазвонил телефон.

— Иден, это мама. — Было трудно разобрать, что мама говорит — она все время всхлипывала, а голова у Иден раскалывалась так, что она вздрагивала от громкого звука и старалась держать телефон подальше от уха.

Но в итоге смысл сказанного начал до нее доходить.

— Иден, у бабушки случился сердечный приступ. Она умерла, Иден. Она умерла!

Иден резко выпрямилась.

— Мам, погоди! Что случилось? Господи, что случилось? — сыпала она вопросами, сердце неистово колотилось в груди, а разум кричал и не мог по-

верить в случившееся: «Нет! Нет! Я не верю, все это неправда!»

Для Иден бабушка была одним из самых важных людей на свете. Каждое лето Иден проводила в маленькой английской деревеньке Бартон-Хит, в бабушкином четырехсотлетнем коттедже с соломенной крышей. Бабушка была дерзкой, прямолинейной и уморительно забавной, и Иден всегда на нее равнялась, всегда обращалась к ней за советом и всегда рассчитывала на нее, когда ей нужно было поднять боевой дух и прийти в себя в трудную минуту. И вот теперь бабушки нет.

— Иден, ты прилетишь ко мне? — спрашивала мать, всхлипывая. — Я сама не справлюсь.

— Ну конечно, мам. Конечно прилечу. — Слово за слово, и вот они уже говорили о практической стороне похорон и извещении родственников и знакомых. — Я улажу кое-какие дела в университете и сразу прилечу к тебе. Мама, мне так жаль, — всхлинула она, осознавая, что как бы ни было больно ей самой, для ее матери бабушка была родной мамой. Иден содрогнулась, представив, как страшно потерять мать. — Я люблю тебя, мам. Перезвони, если хочешь. В любое время, даже ночью, даже если поздно. Я позвоню тебе завтра и скажу точно, когда приеду. Мне так жаль, мам. Я люблю тебя.

И после того, как она нажала отбой, слезы тихо заструились по щекам, и перед ней предстала новая реальность. Толпа незнакомцев равнодушно шла ми-

мо по улицам Нью-Йорка, и, глядя на нее, Иден чувствовала себя такой маленькой и такой одинокой.

Остановившись у дома, она поняла, что не сможет встретить ночь в одиночестве.

Она наклонилась к водителю такси.

— Вы не могли бы повернуть назад, пожалуйста? Я передумала. 214 улица Франклина, если можно. Спасибо.

И такси направилось обратно в центр города, в квартал Трайбека, где жил Роберт. Если он еще не вернулся, Иден его подождет. Ей необходимо ощутить тепло родного тела, нужно, чтобы ночью, в темноте, кто-то был рядом, ей важно было знать, что она не одинока.

Мелкий дождь все накрапывал, а такси, прорвавшись через пробки, остановилось у жилого здания. Иден быстро забежала в лобби, но все равно успела промокнуть насквозь.

«Ты только посмотри на себя», — подумала она, глядя на свое отражение в зеркале холла: заплаканные глаза, размазанная по щекам тушь, промокшие волосы. Иден порылась в сумке в поисках ключей от лофта Роберта.

Она скинула туфли в прихожей и вдруг услышала звук.

«Странно. Наверное, он забыл выключить телевизор, — подумала Иден. Она зашла в гостиную и снова прислушалась. — Нет, это голоса... приглушенные, но точно голоса».

Она испугалась. Обычно люди, услышавшие чужие голоса в своей квартире, в итоге становились героями криминальных выпусков местных новостей. Но ведь входная дверь была заперта. «Наверное, это все-таки телевизор, — успокоила она себя. — Или Роберт уехал с вечеринки сразу после меня и теперь говорит по телефону».

Ни о чем не подозревая, она вошла в спальню — привычным жестом распахнула дверь, и... застыла, потрясенная. Вот и Роберт. В постели. С той молодой женщиной с вечеринки. Они занимаются сексом на простынях.

Странно, но первым делом она подумала: «Это же простыни из египетского хлопка, восемьсот нитей на дюйм! Я подарила их тебе на Рождество! Они стоили целое состояние!» Те простыни, на которых они с Робертом занимались любовью, смотрели телевизор и спали вместе почти год.

Иден широко открыла глаза, у нее отвисла челюсть; наконец Роберт ее заметил.

— Господи, Иден! — Вот и все, что она услышала, потому что сбежала — бросилась к двери, метнулась вниз по лестнице, спотыкаясь и чуть не скатываясь со ступеней; она бежала так быстро, чтобы Роберт ее не догнал.

Она выскочила через главный выход и пробежала два квартала босая, пока не увидела такси с зеленым огоньком.

Иден отперла дверь своей квартиры, зашла внутрь, прислонилась к стене и сползала, пока не